

УЧИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ «ГНОСТИКА» КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Александр Юрьевич Братухин

д. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

Bratucho@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 10.05.2024

В статье рассматриваются пассажи из «Стромат» Климента Александрийского, в которых он пишет об учительной функции «гностиков» (прототипах старцев). По мнению Климента, гностик призван, усовершенствовавшись сам, учить других, но не должен делать это без разбора: он помогает желающим этого, имеет право наказывать, не гонится за количеством учеников. Гностик формирует ученика, призывает к действию личным примером, даёт указание. Он знает время, метод и аудиторию. Прообразом гностиков явились левиты, которые, согласно пророку Иезекиилю, должны были учить народ отличать чистое от нечистого.

Ключевые слова: раннее христианство, Климент Александрийский, учительство, старчество.

Сложно переоценить влияние Александрийской школы на христианское учение. На Западе историю Высшей школы принято возводить к Августину. На него чаще всего ссылается Фома Аквинский, из Августинского ордена вышел Мартин Лютер. Отсюда проистекает взгляд на западное образование как на наиболее древнее, имеющее долгую традицию. При этом игнорируется тот факт, что Александрийская школа, опиравшаяся как на достижения александрийских учёных эллинистического периода, так и на Филона Александрийского, является более древней и авторитетной.

У её истоков стоит Климент Александрийский. В его сочинениях содержатся семена практически всех разделов христианского богословия (триадологии, христологии, экклесиологии, антропологии и т.д.). Однако не все положения учения Климента признавались верными. В частности, патриарх Фотий указывал на наличие в его трудах еретических мыслей. Этой теме посвящено исследование П. Ашвин-Сиечковского

«Климент Александрийский на суде. Свидетельства “ереси” из Библиотеки Фотия» [Ashwin-Siejkowski 2010: passim].

Мы рассмотрим некоторые аспекты экклесиологии Климента. А. И. Сидоров признавал, что в ней «далеко не всё выдержано в предельно корректных тонах православной акривии. В частности, здесь делается излишне сильный акцент на церковном служении “гностиков”, то есть духовно умудренных христиан, о чем свидетельствует, например, одно место “Стромат”. По словам Климента, служением Богу “гностика” является постоянное попечение о душе и занятие вещами божественными “в непрестанной любви к Богу» [Сидоров 1998]. В анализируемом Алексеем Ивановичем отрывке из «Стромат» говорится: «Таким образом, служение Богу (θεραλεία τοῦ Θεοῦ) для гностика — это постоянное попечение о душе (ἡ συνεχῆς ἐπιμέλεια τῆς ψυχῆς) и посвящение себя божественным делам с непрестанной любовью (ἡ περὶ τὸ θεῖον αὐτοῦ κατὰ τὴν ἀδιάλειπτον ἀγάπην ἀσχολία). Ибо из услуг, оказываемых людям, один вид служения направлен на улучшение (βελτιωτικὴ), а другой – на содействие (ὕληρητικὴ). Врачебное искусство улучшает тело, философия – душу. Родителям содействие оказывают дети, правителям – подданные. Подобно и в Церкви пресвитеры хранят улучшающий образ, дьяконы же – содействующий. В обоих этих служениях (διακονίας) и ангелы содействуют Богу (ὕληροῦνται Θεῷ) (ὕληροῦνται Θεῷ) в домостроительстве земных дел (κατὰ τὴν τῶν περιγέγων οἰκονομίαν), и сам гностик, служащий Богу, людям же предоставляющий улучшающее созерцание (τὴν βελτιωτικὴν ἐνδεικνύμενος θεωρίαν) таким же образом, каким и наставлять он был поставлен для исправления людей (ὅπως ἂν καὶ παιδεύειν ἦ τεταγμένος εἰς τὴν τῶν ἀνθρώπων ἐπανόρθωσιν)» (Strom. VII 1, 3, 1–4). Сидоров замечает далее: «Это несколько загадочное место “Стромат” показывает, что для Климента “гностик” несет такое же церковное служение, как пресвитеры и диаконы. Более того, соположение “гностика” с Ангелами, совмещающими два вида служения Богу, позволяет предполагать, что Климент рассматривал гностика как существо “равноангельское”, обладающее даром (харизмой), даже превышающим харизмы пресвитеров и диаконов. Точка зрения, представляющаяся, с позиции современных церковных реалий, несколько парадоксальной. Однако если поглубже вдуматься в эту несколько необычную экклесиологическую идею Климента, то можно высказать предположение, что он в своем образе идеального “гностика” пророчески прозрел феномен старчества, сыгравший (и играющий) великую роль в истории Церкви. Когда преп. Иоанн Лествичник выразительно называет истинного старца “Ангелом, или по крайней мере равноангельным”, имея в виду, что “такой старец не

только человек превосходной нравственной доблести, сверх того, он существо богоизбранное и богоодаренное”, то этот образ старца, выпестованный православным монашеством, представляется прямым развитием идей Климента об идеальном “гностике”» [там же]. В науке отмечается, что «В церковно-исторической перспективе представление Климента Александрийского об особом церковном служении гностика нашло отражение в православной традиции старчества и духовного руководства» [Смирнов 2014: 650]. В подтверждение этих слов приводятся слова из сочинения «Какой богач спасётся» (*Clem. Alex. Quis div. salv.* 41. 1–7).

Идея Сидорова находит подтверждение в том, что мы знаем о церковной традиции: с одной стороны, «существует видимое преемство иерархии – непрерывный ряд епископов в разных городах...» С другой стороны, «наряду с этим, большей частью сокровенно, скорее на “харизматическом” уровне, чем на официальном, существует в каждом поколении Церкви апостольское преемство духовных отцов» [Ware 1989. P. 299] (Пер. Илариона (Алфеева)). «Новым явлением в иконоборческий и послейконоборческий периоды стала практика, согласно которой нерукоположенные монахи становились “старцами” – духовными руководителями мирян» [Иларион (Алфеев) 2010: 138].

Рассмотрим основные пассажи из «Стромат» Климента Александрийского, где он пишет об учительной функции «гностиков» (прототипов «старцев»).

Гностик – вождь священников... «Итак, первосвященник, сняв с себя освященный хитон <...>, омывается и облачается в другой хитон (так сказать, во святая святых), сопровождающий (τὸν συνεισιόντα) его в недоступную для прочих часть храма, мне кажется, являя левита и гностика как начальника остальных священников (ἐμφαίνων τὸν Λευίτην καὶ γνῶστικὸν ὡς ἂν τῶν ἄλλων ἱερέων ἄρχοντα), водой омытых и лишь в веру (πίστιν <...> μόνην) облечённых и ожидающих своей собственной обители (τῆν <...> μονήν); самого <гностика>, отличающего умопостигаемое от чувственного, в соответствии со <своим> превосходством над остальными священниками (κατ’ ἐπιανάβασιν τῶν ἄλλων ἱερέων) спешащего к входу в умопостигаемое, здешнее смывая уже не водою, как прежде очищался, вступая в колено левитов, но уже гностическим словом. Чистый всем сердцем, усовершенствовавшийся до предела и в отношении общественной жизни, выше священника выросший до более великого (πέρα τοῦ ἱερέως ἐπὶ μεῖζον ἀνξήσας) <...>» (Strom. V 6, 39, 3–40, 1). Отметим любопытный факт: первосвященник знаменует собой левита-гностика, ставшего архонтом иереев, превосходящего их благодаря омовению гностическим словом и ставшего более чем священник.

Итгер, рассматривая толкование Климентом слов Иез. 44:9 и 25–27, на основании которых александрийский богослов утверждал, что истинные священники Божьи – это те, кто чист сердцем и кто, подобно левитам, очищает себя в течение семи дней (Strom. IV, 25, 157, 3–159, 3), пишет: «модель духовного восхождения (spiritual ascent) Климента главным образом взята из левитского ритуала умилоствления в еврейский День Искупления (йом кипур)» [Itter 2009: 39]. Мы видим, что для Климента, опирающегося на интерпретацию библейских стихов, левиты неслучайно стали прообразом гностиков. У Иезекииля, на которого ссылается Климент, говорится о левитах, сынах Садока. Среди прочего, они должны были учить народ отличать священное от несвященного и объяснять им, что нечисто, а что чисто (Иез 44:23). Обратим внимание на то, что пишет о гностике Климент: «<Гностик> познаёт/объясняет сам грех, не <грех,> приведённый <в пример> для возбуждения к раскаянию (ибо этому причастны и остальные верующие), но и то, что представляет собой грех. Ведь <гностик> познаёт не некоторый определённый грех, но просто весь грех. Показывает не то, что некто сделал плохо, но то, что не нужно делать» (Strom. VI, 12, 97, 3).

По мнению Климента, гностик (так сказать, старец) должен, прежде всего, сам усовершенствоваться. «Гностик благочестив, имея, прежде всего, попечение (ἐπιμελόμενος) о себе, он затем начинает заботиться о ближних (τῶν πλησίων), чтобы мы стали лучшими» (VII, 3, 16, 1).

О необходимости внутреннего преобразования, о превосходстве крещения слезами над крещением водою напишут спустя века прпп. Иоанн Лествичник и Симеон Новый Богослов. «Источник слёз после Крещения больше Крещения» (Лествица, 7). «В первом Крещении вода предзнаменует слёзы, и миро помазания предзнаменует умное миро Духа. Второе же <крещение> есть уже не образ истины, на сама истина» (Сар. 1, 36) [Иларион 2010: 282]. О втором крещении говорил, кстати, и Климент: «<юноша-разбойник> подступившего старца обнял, оправдываясь с воплями, как мог, и слезами крещаясь вторично (τοῖς δάκρυσιν βαλτιζόμενος ἐκ δευτέρου)» (QDS. 42, 14).

Относительно различия между формальным и благодатным рукоположением скажет на рубеже I и II тысячелетий только что упомянутый прп. Симеон. В 3-м послании он пишет: «И так как стада Христовы возрастали и народ Его стал бесчисленным, благодать Святого Духа устроила, чтобы к епископам и пресвитерам прибавлены были монахи... дабы они пасли <народ> и сотрудничали для спасения имеющих быть спасёнными» [Иларион 2010: 271]. Недостаточно получить «рукоположением от людей» (ἐξ ἀνθρώπων χειροτονίαν) (Cat. 28, 292–293); нужно

быть проручествованным (προϋερισθηείς), т.е. назначенным от Бога Святым Духом, – так считает Симеон (Eth. 6, 428). Если человек не отрётся от мира, не возненавидел его, не погубил свою душу ради Христа, не удостоился созерцать Божественный свет и принять Святого Духа, бесстрашие и святость, он не должен становиться священником (Нумн. 58, 224–248) [Иларион 2010: 273]¹. Основы такого подхода к священству были заложены, в том числе, Климентом Александрийским.

Сподобившись созерцания и исполнив заповеди, гностик призван учить: «Наш философ держится трёх этих <вещей>: во-первых, созерцания, во-вторых, исполнения заповедей, в-третьих, приготовления добропорядочных мужей (ἀνδρῶν ἀγαθῶν κατασκευῆς); каковое, будучи соединённым, делает совершенным гностика (Strom. II, 10, 46, 1).

Однако гностик не должен учить всех подряд: «Утаивая глубину гнозиса от неспособных принять <его>, скрывай <его> ров. Итак, говорится, хозяин рва, сам гностик, будет наказан, становясь ответственным за соблазнившегося или поглощенного величием Слова (Логоса), когда тот был почти бессловесным (μικρολόγου), или направив <простого> работника к созерцанию и удалив на <этом> основании от немысливаемой веры» (Strom. V 8, 54, 4).

Он помогает желающим этого: «гностик, благодаря учению став выше <невежественных>, как зверей, подражая божественному решению, благодетельствует, как может, тем людям, которые хотят этого» (Strom. VII, 3, 16, 3).

Он не гонится за учениками: «Довлеет же гностику, если <у него> обнаружится один единственный слушатель» (Strom. I 10, 49, 1).

Очень важным представляется фрагмент, где говорится о методах обучения гностиком его учеников: «Гностик, обретя от Бога возможность быть полезным, помогает, одних формируя сопровождением (τῆ παρακολουθήσει σχηματίζων), других обращая уподоблением (τῆ ἐξομοίωσει προτρέλονος), иных же воспитывая и обучая предписанием (τῆ προσταξεί παιδεύων καὶ διδάσκων)» (Strom. VI, 17, 161, 1), т.е., как педотриб, гностик во всём направляет ученика, призывает к действию личным примером, воздействует лишь посредством указания.

«Господь дал, – говорит, – мне язык наставления, чтобы вовремя знать, когда нужно изречь слово», не только путём свидетельства, но и путём вопрошания и ответа; “и учение Господа открывает мне уста”², гностику свойственно уметь пользоваться словом: когда, как и кому <говорить>» (Strom. VI, 15, 116, 3).

«Такой есть по образу и подобию гностик, подражающий Богу, так, как возможно, <...> передающий <другим то>, что имеет, как может, благодетельствуя и словом, и делом» (Strom. II, 19, 97, 1).

Мы можем констатировать, что «гностик» Климента, являющийся прототипом старца в монастыре, имеет черты идеального учителя, получившего право быть духовным наставником не через рукоположение, а посредством внутреннего преображения. Прообразом гностиков явились левиты (а не священники), которые, согласно пророку Иезекиилю, должны были учить народ отличать чистое от нечистого.

Примечания

¹ Типикон монастыря Мамаса (ок. XII в.) предписывает исповедоваться перед игуменом, «даже если он не обладает священным саном» [Иларион 2010: 155].

² Климент заменяет словом τὸ σῶμα слово «уши» τὰ ὄτια из Ис. 50:5.

Список литературы

Иларион (Алфеев), архиепископ. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание. Изд. 4-е, испр. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 448 с.

Сидоров А. И. Начало Александрийской школы: Пантен. Климент Александрийский // УЗ РПУ. М., 1998. Вып. 3: Патрология. С. 56–138 URL: https://az-byka.ru/otchnik/Aleksej_Sidorov/svjatootecheskoe-nasledie-i-tserkovnye-drevnosti-tom-3/1 (дата обращения: 1.05.2024).

Смирнов Д. В. Климент Александрийский. Экклезиология // Православная энциклопедия. М., 2014. С. 649–650.

Ashwin-Siejkowski P. Clement of Alexandria on Trial. The Evidence of ‘Heresy’ from Photius’ *Bibliotheca* // Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language. Leiden, Boston: Brill, 2010. Vol. 101. XVII, 185 p.

Itter A. C. Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria // Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language. Leiden, Boston: Brill, 2009. Vol. 97. XX, 233 p.

Ware K. T. The Spiritual Father in Saint John Climacus and Saint Symeon the New Theologian // *Studia Patristica*, XVIII, 2. Kalamazoo, Louvain, 1989. P. 299–316.

TEACHING FUNCTION OF “GNOSTIC” BY CLIMENT OF ALEXANDRIA

Alexandr Yu. Bratukhin

Doctor of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15.

Bratucho@yandex.ru

Submitted 10.05.2024

The article analyzes passages from Clement of Alexandria's Stromatus, in which he writes about the teaching function of the “Gnostics” (prototypes of the elders). The Gnostic is called, having improved himself, to teach others, but should not do this indiscriminately: he helps those who want it, has the right to punish, and does not chase the number of students. The Gnostic shapes the student, calls to action by personal example, and gives instructions. He knows the time, the method and the audience. The prototype of the Gnostics were the Levites, who, according to the prophet Ezekiel, were supposed to teach the people to distinguish between clean and unclean.

Key words: early Christianity, Clement of Alexandria, teaching, eldership.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Братухин А.Ю. Учительная функция «гностика» Климента Александрийского // *Мировая литература в контексте культуры.* 2024. № 18 (24). С. 11–17. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-11-17

Please cite this article in English as:

Bratukhin A. Yu. Uchitel'naya funkciya «gnostika» Klimenta Aleksandrijskogo [Teaching Function of 'gnostic' by Clement of Alexandria]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 18 (24), pp. 11–17. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-11-17